

УДК 1(091)

Гуляев П.С.

*Московский государственный
университет культуры и искусств*

О СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ Ф.А. СТЕПУНА*

P. Gulyaev

Moscow State university of culture and art

ABOUT SOCIAL PHILOSOPHICAL VIEWS OF F.A. STEPUN

Аннотация. В статье анализируются истоки и основные этапы эволюции социально-философских воззрений Ф.А. Степуна (дореволюционный, революционный, эмигрантский), а также раскрывается содержание их наиболее существенных характеристик. Особое внимание уделено обоснованию идеи о самобытной методологии, разработанной Ф.А. Степуном, которую автор статьи определяет как «синтез христианской метафизики и экзистенциального переживания». Эта методология возникла на основе творческой переработки методологии неокантианства и русской религиозной философии. В статье в историко-философском ключе анализируется содержание основных философских воззрений Ф.А. Степуна, посвящённых анализу социальных событий, современником которых он являлся.

Ключевые слова: эволюция воззрений, методология Ф.А. Степуна, социальная философия, христианская метафизика, русская религиозная философия.

Abstract. The article analyses the sources and basic stages of the evolution of A.F. Stepun's social and philosophical ideas (pre-revolutionary, revolutionary and emigrant), with the content and most essential characteristics of them being revealed. A special focus is on basing the idea of original methodology worked out by A.F. Stepun that the author of the article describes as "a synthesis of Christian metaphysics and existential experience". This methodology appeared on the basis of creativity reworking of neo-Kantian and Russian religious philosophy. A.F. Stepun's basic philosophical ideas devoted to the analysis of social events of his epoch are under historical and philosophical research in the article.

Key words: evolution of ideas, A.F. Stepun's methodology, social philosophy, Christian metaphysics, Russian religious philosophy.

Теоретическое наследие Ф.А. Степуна до настоящего времени в полном объёме не изучено, а проведённые философские исследования нередко носят фрагментарный характер и не дают целостного видения масштабов его интеллектуально-мировоззренческих поисков. Ф.А. Степуна упрекали в том, что он не оставил оригинальной философской системы, по образцу западноевропейской [2, 8], что он «мог бы стать русским Витгенштейном или Хайдеггером», но стал лишь «немецким Степановым» [6, 96].

Содержание статьи направлено на обоснование того факта, что Ф.А. Степуна нельзя рассматривать только как культуролога или философа культуры. За годы долгой творческой жизни он сумел создать систему социально-философских взглядов, систему достаточно многогранную, опирающуюся на созданную им методологию («методологическую транскрипцию», по его определению). «Методологическая транскрипция» представляла собой синтез идей неокантианства, христианской метафизики, наиболее полно представленной в русской религиозной философии, и экзистенциального переживания. Кроме того, серьёзное влияние на формирование его методологии оказала полемика с идеями марксизма в их «большевистской» интерпретации.

Ф.А. Степун был хорошо сведущ в теории неокантианства, ведь он в течение семи лет изучал философию, государственное право и теорию искусств в Гейдельбергском университете, а его научным руководителем был В. Виндельбанд, известный представитель этого философского направления. Ф.А. Степун полагал, что русским философам необходима немец-

---

* © Гуляев П.С.

кая школа (что позволило бы отечественной философской мысли усилить свою концептуальную организованность, рациональность и вырвать мысль из хаоса социальной жизни России, – точно так же, как античная философская классика в своё время благотворно повлияла на расцвет западноевропейской мысли) [2, 8]. В то же время Ф.А. Степун понимал, что многогранность действительности невозможно зафиксировать: «никакая действительность никогда не уловима в понятиях. Перед действительностью и безграничностью жизни зоркость самых точных понятий всегда только слепота. То, что отчетливо различимо в понятиях, никогда не делимо в действительности» [5, 231].

Другим идейным истоком «методологической транскрипции» Ф.А. Степуна была русская религиозная философия. «Сила и правда русской религиозной философии заключается не столько в ней самой как в философии, – утверждал он, – сколько в том, что она теснейшим образом связана со всей русской культурой: и с религиозной трагедией Гоголя, и с религиозным обращением Толстого, и с пророчествами Достоевского. Русское искусство никогда не было, как это уже не раз отмечалось, искусством для искусства, оно всегда было или религиозным исканием, или нравственно-общественным служением» [5, 411]. Ф.А. Степун обладал глубокими и разносторонними теоретическими знаниями в области отечественных философских исканий: написал и защитил диссертационное исследование, посвящённое метафизике В.С. Соловьёва, позитивно воспринял его учение о «богочеловечестве»; был в близких отношениях и хорошо знал философское творчество Н.А. Бердяева, разделял многие его идеи, особенно – в понимании вопросов культуры; плодотворно сотрудничал и был согласен со многими идеями философии «общего дела» Н.Ф. Федорова.

Третьим (косвенным) истоком методологии Ф.А. Степуна была его постоянная полемика с идеями марксизма, нашедшими в России воплощение в виде теории большевизма. Непримируемая идейная борьба с большевиз-

мом в значительной степени стимулировала его метафизические искания и служила важным основанием для проверки истинности его собственных методологических положений. В теоретическом противоборстве он исходил из того, что победа большевизма в России не была случайной, видел в этом «сущностный срыв» всего народа, которому большевики лишь потворствовали. Степун так характеризовал *большевизм*: «Большевизм – одна из глубочайших стихий русской души», «стихия русского безудержа», когда «мозги набекрень» [5, 258], когда возникает ощущение того, что «только обезумевший разум сейчас подлинно разум, а разум разумный так – слепота, пустота, глупость» [2, 253]. В то же время он полагал, что большевики смогут оседлать иррациональную народную стихию, так как они осуществили «...политический обмен религиозной бездны народной души: апокалипсис без Христа, апокалипсис во имя Маркса...» [5, 414]. Подменив имя Бога другим именем, большевики смогли направить ступок энергии верующего народа в сторону своих интересов. «По целому ряду сложных причин заболевшая Россия действительно часто поминала в бреду Маркса; но когда люди, мнящие себя врачами, бесильно суеются у постели больного, выдают бред своего пациента за последнее слово нации, то становится как-то смешно и страшно» [5, 357-358].

Приведённые рассуждения дают основания рассматривать методологию марксизма в качестве косвенного идейного истока социально-философской методологии Ф.А. Степуна. Марксизм в большевистской рецепции был главным и непримиримым идейным врагом исследуемого автора, но, как нередко бывает, длительное яростное неприятие и борьба с чуждой системой взглядов способствовали развитию и теоретическому обогащению его собственных социально-философских воззрений. «В годы, пережитые в большевистской России, – писал Ф.А. Степун, – я чувствовал себя очень сложно. Всем существом отрицая большевиков и их кровавое дело, не будучи в силах узнать, где же и в

чем же их достижения, я всё же непосредственно чувствовал небывалый размах большевизма. Постоянно возражая себе самому, что небывалое – ещё не бытие, невероятное – ещё не достойно веры, разрушение – ещё не творчество и количество – не качество, я всё же продолжал ощущать октябрьскую революцию как характерную национальную тему» [5, 257].

Ф.А. Степун осознавал теоретические недостатки в каждом из названных идейных истоков и отрицал связанные с ними варианты исторической детерминации: *рационально-пантеистический* (гегельянство, кантианство), *исторического материализма* («абсолютизация материальных сил») и *религиозно-провиденциальный*. Истинная методология виделась ему в метафизическом синтезе: а) идей неокантианства и русской религиозной философии (как сочетание рационализма и религиозно-мистической образности, данное в экзистенциальном переживании); б) национальной самоидентификации и понимания общеевропейского контекста. Эти особенности его методологии давали современникам право называть Ф.А. Степуна «русским европейцем».

Методологический синтез Ф.А. Степуна можно рассматривать как «положительное всеединство», раскрывающееся в онтологическом и познавательном единстве человека с Абсолютом, как философская и жизненная задача человека в истории. Кропотливо работая над совершенствованием этого синтеза, он постоянно стремился проверять его действительность, применяя к анализу различных социальных явлений во всем многообразии их социально-бытовых проявлений.

Важнейшим элементом в методологическом синтезе, разработанном Ф.А. Степуном, является экзистенциальное переживание, рассмотренное в контексте христианской метафизики. *Христианской*, отмечал он, потому что «...отождествление Жизни и Бога является как бы мистическим а priori всего моего раскрытия мирозерцательного значения понятий Жизни и творчества» [4, 180]. Далее Ф.А. Степун уточнял свою позицию: «... от-

казаться от творчества человеку нельзя, ибо творить всегда только и значит быть человеком. Быть же человеком человеку определено самим Богом. А потому отказ от творчества есть не что иное, как прямое Богоборчество» [4, 184]. Вполне очевидно, что такие мысли могут принадлежать только убежденному христианину, каким и был Ф.А. Степун. Эту особенность его мировосприятия отмечал Л.О. Зиндер: «Он принадлежит к православной Церкви, но православие для него является одной из форм вселенского христианства. С некоторым приближением можно сказать, что православие является для него – «вероисповеданием», а не «Церковью». А Церковь – шире вероисповедания. В этом смысле он остаётся верным заветам В.С. Соловьева, который всегда боролся против провинциализма «греко-российства» и в своём искании вселенского христианства предвосхитил современные движения экуменизма» [1, 324].

Метафизическим основанием рассматриваемой методологии является стремление представить исторический процесс как некую онтологическую целостность и выявить присущие истории силы и истоки. Ф.А. Степун разделял мысль о том, что вся история России – это *бег наперегонки освобождающегося пафоса европеизации и всеразрушительного московского бунта*. Западноевропейские лозунги (разум) для русской революции были лишь маской (прикрытием) [5, 253]. Предпосылки российской катастрофы виделась ему в «ускоренных ритмах интеллигентских чаяний по отношению к медленным ритмам громадной страны». Он иронизировал: «Начиная с Герцена, из сознания русской интеллигенции не исчезает мысль, что мы обгоним Европу, потому что мы отсталая страна» [5, 421].

«Экзистенциальное переживание» в рамках представленной методологии определяется Ф.А. Степуном через сопоставление и взаимодействие двух полюсов – жизни и творчества. «Устремляясь к полюсу творчества, – утверждает он, – переживание как бы стремится навстречу всем родам постижения. С этой целью оно раскалывается на

многие части, из которых каждая оказывается в состоянии стать в положение субъекта, постигающего все остальные части его, как данные ему объекты. Перед нами развёртывается монадологическая структура сферы творчества, а тем самым – и сферы культуры. Устремляясь к полюсу жизни, переживание как бы стремится выйти из-под власти какого бы то ни было постижения. С этой целью оно свёртывается в один познавательно-нерасчленённый тёмный центр, в котором гаснут все образы, отцветают все понятия и умолкают всякие звуки. Так раскрывается нам сущность мистического начала жизни» [4, 156].

Придавая огромное значение проблеме ценности в жизни человека и человечества, он выделяет и абсолютную ценность религиозного переживания Бога, считая, что переживание жизни, по сравнению с переживанием творчества, является более глубоким и более значительным, поскольку переживание жизни есть действительно религиозное переживание. Ф.А. Степун пишет: «Кому в переживании дана жизнь в раскрытом мною смысле, тому тем самым уже дана и жизнь религиозная, т.е. тому дано внутреннее знание жизни, как Бога, знание Бога живого, знание Жизни» [4, 184]. Ф.А. Степун надеялся, что его методология, общие контуры которой он наметил, может и должна объединить в будущем «большой круг весьма разнообразных людей и направлений, среди которых ведущую роль будут играть люди живой творческой веры» [5, 474].

В предельно общем виде методологию «христианской метафизики и экзистенциального переживания» Ф.А. Степуна можно представить в качестве следующего алгоритма: а) каждое действие человека исторично; б) каждое действие человека сводится к свободе нравственного выбора личности; в) в своём личностном опыте каждый человек переживает драму выбора. Очевидно, что стержнем этой методологии выступают познавательно-ценностные отношения в различных формах своего проявления. В подтверждение этого предположения приведём

рассуждения Ф.А. Степуна о трёх жизненных позициях: 1) *мещанской*, предпочитающей внешний и внутренний комфорт; 2) *мистической*, стремящейся к слиянию с Божеством и отказывающейся от творчества и свободы; 3) *художественной*, пытающейся постичь динамическое единство жизни и творчества, позволяющей «узреть» цельность бытия и осветить те «донаучные» и «дотеоретические» области, в которых коренятся все убеждения и представления человека [5, 186-213].

Уяснение идейно-теоретических истоков философской методологии Ф.А. Степуна целесообразно дополнить исследованием этапов эволюции его философского мировоззрения. В определении количества этих этапов и их хронологических границ превалирует точка зрения В. Кантора, который писал о Ф.А. Степуне: «Начну с того, что Степун был абсолютно адекватен своей эпохе, её духу, её пристрастиям, её слабостям, её поискам, её заблуждениям и откровениям. Он был не больше, но и нисколько не меньше, эпохи, а потому говорил с ней (о ней) на равных... Не сложно заметить, его жизнь и творческая биография разделяются практически на две равные половины (с 1884 по 1922 и с 1922 по 1965 г.)... Причём вторая половина его жизни была, по сути дела, посвящена осмыслению того, что он сам и его современники говорили и думали, в первую (до-эмигрантскую) эпоху его жизни» [2, 9-11].

Подобное деление этапов творческой жизни Ф.А. Степуна имеет право на существование. Однако нельзя не заметить и формальность этого подхода, не отражающего многообразия творческих исканий исследуемой персоналии. Корректнее было бы говорить о трёх этапах его философской эволюции: *дореволюционном, революционном и эмигрантском*.

Дореволюционный этап творчества Ф.А. Степуна длится с февраля 1884 по февраль 1917 г. Основными биографическими событиями этого этапа, оказавшими существенное влияние на формирование его философского мировосприятия, были: с 1902 по 1909 г. – изучение философии, государственного

права и теории искусства в Гейдельбергском университете; с 1910 г. – жизнь в России, защита диссертации, посвящённой философии В.С. Соловьёва, активное участие в организационной и теоретической деятельности сотрудников философского ежегодника «Логос»; с 1910 по 1914 г. – работа в редакционном совете журнала «Логос», где он выступал в роли литературного и театрального критика, следующего принципам эстетики символизма. В 1914 г. Ф.А. Степун был мобилизован в армию, участвовал в Первой мировой войне.

Основными работами этого этапа были опубликованные в журналах «Логос», «Русская мысль» и «Северные записки» статьи «Трагедия творчества (Фр. Шлегель)», «Немецкий романтизм и русское славянофильство», «Трагедия мистического сознания», «Прошлое и будущее славянофильства», «О «Бесах» Достоевского и письмах Максима Горького» и другие. В 1916 г. была издана его книга «Из писем прапорщика-артиллериста» – одна из лучших книг о Первой мировой войне, органично включающая в художественное повествование и важнейшие положения философской концепции автора.

Социально-философские идеи этого этапа были связаны с исследованием социальной значимости проблемы творчества как основной существенной черты человека, определяющей его предназначение в жизни и являющейся единственным способом постижения Бога. Значительное внимание уделялось им рассмотрению взаимовлияния различных направлений западноевропейской философии искусства и культуры (немецкого романтизма Шлегеля, Новалиса; мистицизма Шеллинга, Рильке) и русской религиозной философии (идеи В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, Н.Ф. Федорова).

Революционный этап творческой деятельности Ф.А. Степуна длился с 1917 по 1922 г. Важнейшими биографическими вехами являлись: близость к правым эсерам, от партии которых после февральской революции он стал депутатом Всероссийского Совета рабочих, крестьянских и солдатских

депутатов; служба начальником политуправления при военном министерстве во Временном правительстве; после Октябрьской революции – сотрудничество с Н.А. Бердяевым в организации *Вольной академии духовной культуры*; в 1918-1919 гг. – крестьянствовал, чтобы не умереть с голоду. С 1919 г. по протекции А.В. Луначарского Ф.А. Степун стал руководителем Государственного показательного театра, выступая в качестве режиссёра, актёра и театрального теоретика, публиковался в журналах «Искусство театра», «Театральное обозрение», издавал литературный сборник «Шиповник» (1922 г.), осуществлял преподавательскую деятельность в театральных училищах.

В социально-философском плане в этот период представляют интерес его рассуждения о природе и культуре, несущей печать субъект-объектного дуализма и всегда, в конечном счёте, являющейся «неудачей» творческих усилий человека. В сфере жизни, по суждению исследователя, реального «расщепления» бытия нет, а потому не может быть и гармонии в отношении «жизненного» и культурных миров.

Ф.А. Степун активно исследовал «пост-революционное сознание», выступал с критикой «пролеткульта», занимая «антипролеткультовскую» позицию. Он полагал, что особой «пролетарской» культуры быть не может, ведь любая культура требует языка, а у пролетариата, как и у любого класса, есть только терминология. Исследователь скептически относился к идеям большевизма, утверждая, что большевизм воспользовался самыми тёмными, разрушительными силами народной стихии для достижения своих политических целей. Поэтому вполне естественно, что его считали идейным противником советской власти, и по политическим мотивам Ф.А. Степун был выслан из страны в 1922 г.

Эмигрантский этап творческой деятельности Ф.А. Степуна продолжается с 1922 по 1965 г. В этот сложный период своей жизни он занимался преподавательской и научной работой. Заведование кафедрой социологии

Дрезденского университета было прервано пришедшими к власти нацистами. По окончании Второй мировой войны в 1946 г. он был приглашён возглавить специально для него созданную кафедру истории русской культуры на философском факультете Мюнхенского университета, где Ф.А. Степун читал курсы по истории русской литературы и социологии русской революции. В творческом плане этот этап был одним из наиболее плодотворных. Исследователем были написаны и изданы на русском и немецком языках работы: «Жизнь и творчество. Статьи о немецком романтизме и славянофильстве», «Основные проблемы театра», «Мысли о России», «Николай Переслегин», «Бывшее и несбывшееся», «Встречи и размышления» и другие.

В социально-философском плане он пытался осмыслить наиболее значимые социальные проблемы и события, современником которых являлся. Понимая российскую катастрофу как часть общеевропейской, рассматривая большевизм и фашизм как победу иррациональности, он пытался определить

пути выхода из этого глобального кризиса. Ф.А. Степун критиковал современную эпоху за бездуховность и отказ от традиционных религиозных, этических и эстетических ценностей. Являясь предшественником теории конвергенции, он обосновал необходимость объединить в рамках будущего общества лучшие черты капиталистического и социалистического обществ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зиндер Л. О Ф.А. Степуне и о некоторых его книгах. – Мосты. –1963. № 10.
2. Кантор В.К. Ф.А. Степун: русский философ в эпоху безумия разума / Степун Ф.А. жизнь и творчество. Избранные сочинения. – М.: Астрель, 2009.
3. Лосский Н.О. История русской философии. – М.,1991.
4. Степун Ф.А. Жизнь и творчество // Русские философы: Антология. Вып. 2. – М., 1994.
5. Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. – М.: Астрель, 2009.
6. Чубаров И.М. Зачалось и быть могло, но стать не возмогло (предисловие к «Жизни и творчеству» Ф.А. Степуна). – Логос. – 1991. № 1.